

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

### НЕОМИФОЛОГЕМА ПУШКИНИАНЫ «ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ОТРОК»: ОТ ВЯЗЕМСКОГО ДО АХМАТОВОЙ

К. И. ШАРАФАДИНА

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

В статье подробно рассмотрены основные знаковые комплексы «лицейско-царскосельской» Пушкинианы: «сады Лицея», иконография адресата, номинация «отрок». Автор впервые устанавливает её прецедентный источник – стихотворение П.А. Вяземского «Поэтической дружины смелый вождь и исполин!». Ахматовская характеристика «смуглый отрок» интерпретирована в ритуально-обрядовом контексте поэтической инициации как генетическом.

**Ключевые слова:** стихотворная Пушкиниана, П. Вяземский, А. Ахматова, неомифологема, «царскосельский отрок», инициация.

Одним из магистральных принципов поэтического раздела Пушкинианы является моделирование образа поэта через фокус хронотопических ценностей. Будучи соотносимыми с реальными топосами-прототипами пушкинской биографии, в мифологизирующем поле культурной памяти они приобретают статус знаково-семиотический, и становятся, в свою очередь, почвой для формирования неомифологем, пополняющих фонд номинаций адресата.

Так, Болдино в Пушкиниане – это феномен дионисийствующего Дара, с ним связана неомифологема «болдинский труженик»; Юг осмыслен как родина пушкинского романтизма, а «южный» Пушкин как ультраромантический «изгнанник», прототип собственных героев.

За хронотопом «Лицей» Пушкиниана закрепила статус ДОМА, ставшего невольной заменой родному (по известной версии Ю.М. Лотмана), это также хронотоп «истока» ДАРА, начало его отсчёта, в котором декорации Царского Села являются более чем откровенной аллюзией Эдема, его идиллическим вариантом. Поэтому и строгая хронология Лицея (1811–1817, т. е. собственно отрочество и ранняя юность) заменена хронологией креативности, исчисляемой от «младенчества» до «юности».

Приведем примеры: «и гармонические звуки его младенческие руки умели рано извлекать» (А. Полежаев), «ещё в младенческие лета любил он песен дивный дар» (Ф. Туманский), «чуткий отрок затрепещет, и в молодых глазах заблещет поэтический рассвет» (П. Вяземский), «курчавым мальчиком под сень иных садов вошёл он в первый раз» (А. Апухтин), «с юных лет прельщаешь лирой золотою» (Я. Толстой)<sup>1</sup> и т. п.

<sup>1</sup> Здесь и далее в статье тексты стихотворений цитируются по антологии «Пушкинский час» [3].

В «лицейско-царскосельскую» тему наиболее существенный вклад внесли В. Кюхельбекер, Ф. Глинка, П. Вяземский, А. Полежаев, А. Апухтин, И. Анненский, К. Фофанов, С. Городецкий, М. Кузмин, Н. Клюев, А.Ахматова, Э. Голлербах, Вс. Рождественский, Б.Чичибабин. На анализе стихотворений этих авторов и построены наши основные обобщения и выводы.

Наметим главные знаковые комплексы, которые сопровождают тему «лицейского» Пушкина. Это прежде всего садово-парковые интерьеры Царского Села, выполняющие функцию метонимии «Лицея» или его пейзажно-ландшафтной «рамы». Их исток – в концепте «сады Лицея», сложившемся в творчестве поэта (исчерпывающее описание его дал Д.С. Лихачёв). Из его богатой семантики – мир уединённого размышления, чтения, а также свободы, беззаботности, дружества и любви – Пушкиниана востребовала почти все названные смысловые варианты, но, как правило, при этом тема креативности становилась общим знаменателем, темой-магистралом. Сравни, например: «грации слетали к нему, оставя эмпирей, и невидимками гуляли с царём цевниц в садах царей» (Ф. Глинка), «в садах Лицея ...расцвёл наш юный корифей» (А. Полежаев), «где в шуме лип душа его жива, где он за музой устьем пересохшим шептал, как чудо, русские слова» (Б. Чичибабин).

В стихотворной беллетристике Пушкинианы «сады Лицея» становятся мемориальным маршрутом, на котором ландшафтные, дендрологические, архитектурно-скульптурные и другие приметы играют роль опознавательных знаков, культурных цитат. К их числу относятся, например, «аллеи», «липы», «озеро», «лебеди», «колонна», «розовое поле», «дева с разбитым кувшином» (скульптурный фонтан «Молочница»), «пруды», «сосны», «(Екатерининский) дворец». В таких декорациях инсценируются хрестоматийные мемуарные свидетельства, которые приобрели в культурной памяти статус неких эмблем, напоминающих порой почти «лубочные» картинки (по простоватости и наивности их репродуцирования). Сравним, например: «Здесь Катюшу Бакунину Пушкин любил / Повстречать на прогулке у клёна, И над озером первые строфы сложил / Про шумящие славой знамёна» (Вс. Рождественский); или «Один (лебедь – К. Ш.) в полёте величаем / Взметнулся ввысь и, недвижим, / Пал перед отроком курчавым / И распластался перед ним...» (В. Мануйлов).

На таком фоне выгодно выделяется «лицеистика» И. Анненского и А. Ахматовой. Анненскому пушкинское Царское Село мыслится навсегда отошедшей в прошлое «грёзой» и «небылицей», отношения с которой у настоящего непоправимо оборваны: «там всё, что навсегда ушло». Царское Село для него — духовная родина русской поэзии, а юный поэт – *genius loci*: «Там стала лебедем Фелица / И бронзой Пушкин молодой...» Ему вторит Ахматова, заставляя «смуглого отрока» уходить всё дальше и дальше от нас: «...лелеем еле слышный шелест шагов». И Анненский, и Ахматова не описывают коллизии эмблематичного свойства (например, чтение стихов в кругу друзей или знаменитый лицейский экзамен): они создают ощущение присутствия

рядом с адресатом, который является субъектом, а не объектом текста и авторской рефлексии.

Другой знаковый комплекс «лицейско-царскосельской» Пушкинианы связан с иконографией адресата. Излюбленными портретными деталями, которые зачастую заменяют «визитную карточку» обозначенной темы, стали, по нашим наблюдениям, эпитеты «кудрявый» (вариант: «курчавый») и «смуглый» (ср. у С. Городецкого – «курчавый смуглёныш»). Если они и восходят к известному рисунку, изображающему поэта в его отроческий (раннелицейский) период<sup>2</sup> как к прототипическому, то их семантика в Пушкиниане, как правило, не уместается лишь в рамки атрибутирования адресата. В большинстве случаев они выполняют функцию «экспозиции персонажа», имеющую характерологическую, биографическую, а также условно-поэтическую и культурологическую содержательность. Сравним, например: «с венчанной лаврами кудрявой головой» (Ап. Григорьев); «чернокудрявый, огнеокий» (В. Бенедиктов); «шёлк хмельной виноградных кудрей» (М. Зенкевич); «под лучом кудряво-смуглым / Дремуча глубь торфяников» (Н. Клюев); «над угольком, чья тайна так светла, / Склонялись в ласке нежные богини» (Б. Чичибабин).

Показательна смена номинаций адресата в «лицеистике» от 19 к 20 веку: от «юного корифея», «юного певца», «вещего отрока» – к «егозе», «арапчонку», «буйному увальню», «курчавому смуглёнышу», «угольку». Подоплёкой такой замены может быть расширение «словаря» общекультурного кода номинаций творца, продиктованное сменой представления о феномене его креативности, её истоках и природе: от мифопоэтического представления – к культурологическому, от сакрального — к светскому.

Наконец, отметим, что поэтическая Пушкиниана категорически оспаривает пушкинистику в достаточно скептической оценке художественных достоинств лицейской лирики, высказываемой вполне авторитетными исследователями разных поколений (от Вал. Брюсова до В. Сквозникова, к примеру). Для неё нет «Пушкина допушкинского периода» – есть Поэт: «До наших лет из той лицейской кельи / Сияет свет мальчишеской свечи» (Б. Чичибабин).

Остановимся подробнее на поэтической Пушкиниане Анны Ахматовой. «Смуглый отрок» – так в своём раннем стихотворении 1911 г. «Смуглый отрок бродил по аллеям...» из цикла «В Царском Селе»<sup>3</sup> она впервые назвала героя, роман с которым, как заметил один из исследователей, продолжался всю жизнь. В то же время её поэтическая Пушкиниана на фоне её же пушкиноведческих штудий поразительно лаконична. Кроме названного стихотворения, это стихотворение 1943 г. «Кто знает, что такое слава...» и два упоминания: в поэме «Русский Трианон» (1940) и в набросках к «Большой исповеди» (1965).

Бросается в глаза, что в трёх из четырёх случаев адресат посвящений предстаёт в облике юноши-лицеиста. «смуглый отрок» («Смуглый отрок бродил

<sup>2</sup> Авторство рисунка предположительно приписывается лицейскому гувернёру и учителю рисования С. Г. Чирикову

<sup>3</sup> Сначала цикл входил в стихотворную книгу Ахматовой «Вечер», затем — в «Чётки».

по аллеям...», 1911); «в окне Лицея / Только тень Его над томом Апулея...» («Русский Трианон», 1940); «там, где когда-то юный Пушкин пел» («Большая исповедь», 1965). Такая настойчивость может быть объяснима, помимо каких-то иных причин, знаковым характером ахматовской лицеистики.

Наша задача – попытаться прояснить генезис «визитной карточки» ахматовского Пушкина — перифраза «смуглый отрок», получившего с лёгкой руки Ахматовой в Пушкинине XX века статус «визитной карточки» поэта-лицеиста.

Исследователи уже делали попытки указать на цитатно-аллюзийный характер понятия «отрок» у Ахматовой. Так, А. К. Жолковский назвал в качестве подтекста стихотворение Пушкина 1830 г. под таким же названием, посвященное Ломоносову:

*Невод рыбак расстилал по берегу студёного моря;  
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!  
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:  
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.*

Автор этого отрока «предстает у Ахматовой в качестве нового отрока», — писал Жолковский [1: С. 21], приводя пример текстологических параллелей: «в обоих случаях будущий гений изображается в год поступления в школу, на фоне прибрежного пейзажа и литературно-культурного пратекста (Евангелия; Парни)» [1: С. 22].

Нам удалось выявить ещё более раннюю переадресацию статуса отрока Пушкину, чем ахматовская, что могло стать для её характеристики, в свою очередь, промежуточным подтекстом.

Речь идёт о стихотворении Вяземского из незавершённого цикла «Поминки» (1853 (?)) «Поэтической дружины смелый вождь и исполин!», посвящённом Пушкину. Характеристика «отрок» звучит в этом тексте настойчиво: «Отрок с огненной печатью, / С тайным заревом лучей // Вдохновенья и призыванья / На пророческом челе», «вещий отрок», «отрок славы», «чуткий отрок». Наконец, венчает этот ряд понятие «поэт»: «там поэт в родной стихии / Стих златой свой закалил...» У Вяземского, таким образом, отрок становится синонимом юного поэта (ср.: «и в молодых глазах заблещет / Поэтический рассвет»), а в напряженной пафосности характеристик («вещий», «с огненной печатью», «пророческое чело», «жрец духовный», «разливался свет в тебе») ощущается влияние библейской образности и, похоже, конкретных библейских мотивов, а каких именно – ещё предстоит выяснить в рамках другой статьи.

Не так в стихотворении Ахматовой. Сложилась традиция прочтения этого текста, которая нам представляется неправомерной: его толкуют как иллюстрацию к мемуаристике, которая послужила источником для тиражируемого стихотворной беллетристикой стереотипа креативности «юный поэт у озера в парке вдохновенно слагает свои первые стихи».

По нашим же наблюдениям, ключом к ахматовской версии Пушкина-лицеиста становится этимологический подтекст обоих элементов характерис-

тики «смуглый отрок», на котором выстраивается внутренний сюжет ее стихотворения.

Отрок Ахматовой «бродил» по аллеям, «грустил» у озёрных берегов, читал «растрепанный том Парни». В отличие от Вяземского, у Ахматовой нет подчеркнутого контекста креативности. Её перифраз «смуглый отрок» и весь контекст стихотворения, на первый взгляд вторя, в то же время оспаривает характеристику Вяземского.

Слово «отрок», согласно этимологической реконструкции П. Я. Черных, в праславянском языке могло означать «не говорящий: в смысле не имеющий права речи, права голоса в жизни рода или племени»: *ot(ъ)rok* от корня *\*rok* («речь»). [5: Т. 1. С. 611]. Кстати, даже если такая версия этимологии для кого-то из историков языка и сомнительна, напомним, что образное значение, согласно теории А.А. Потебни о внутренней форме слова и её источниках, может оформляться на основании авторской, интуитивной этимологии.

Слово «смуглый», отмеченное в русских словарях с 1704 г., тот же Черных возводит к реконструированному общеславянскому «смагнути», которое само — от «смага» (пламя, огонь — ср. в «Слове о полку Игореве»: «смагу мычючи»; жажда, жар — ср. чеш. *smaha* зной, ожог) [5: Т. 2. С. 181]. В наложении этих контекстуально выявляемых значений (бродил, грустил, т.е. томился, ср. словен. *smagniti* «изнывать от тоски») проявляется облик не поэта, тем более акта креативности, а преддверия поэта, поиск слова.

Ключом именно к этой семантике, на наш взгляд, является мифологический и ритуально-обрядовый генезис мифологемы «отрок», восходящий к обряду в одном случае поэтической, в другом — мужской инициации (посвящения). Остановимся на нём подробнее.

Обратимся к описанию возрастного посвятельного обряда у Дж.Дж. Фрезера [4: С. 646-654] и к реконструкции обряда инициации, произведённой В.Я. Проппом на материале волшебных сказок [2: С. 56-57], акцентировав необходимые нам моменты. Этим обрядом юноша вводился в родовое объединение, становился полноправным членом его. Обряд всегда совершался в глубине леса или кустарника, в строгой тайне. Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и воскресал уже новым человеком. «Воскресший» получал новое имя, на кожу наносились клейма и другие знаки пройденного обряда. Мальчик проходил более или менее длительную и строгую школу, в том числе школу песен, плясок, жрецы посвящали его в тайны и предания племени.

Напомним полный текст анализируемого стихотворения Ахматовой:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,  
У озёрных грустил берегов,  
И столетие мы лелеем  
Еле слышный шелест шагов.*

*Иглы сосен густо и колко  
Устилают низкие пни...  
Здесь лежала его треуголка  
И растрёпанный том Парни.*

Интерьеры царскосельских парков, их ориентированность (в частности, Екатерининского парка, излюбленного места прогулок лицеистов) на пейзажный парковый тип с его атмосферой уединенного размышления, чтения; атрибут лицейской парадной формы (треуголка), метонимически вводящий тему Лицея (строгой школы), чтение Парни как поэтическая школа, наконец, анонимность адресата. На наш взгляд, заметна некоторая параллельность образцовых установок и хронотопических измерений, в которые Ахматова помещает своего «отрока», их генетическое «совпадение».

Мифопоэтический слой образности закреплён опосредованно в той онтологии Слова, которая конституируется как экзистенциальная тема текста. Согласно мифопоэтике, Слово поэта является средостением, соединяющим в акте поэтического творчества две сферы, человеческую и божественную, и сам песенный дар поэт принимает от богов. Источник его часто переосмысливается как пища: скандинавский мёд поэзии, индийский сома, вода Кастальского ключа (ср. «озёрные берега» в анализируемом тексте).

Насколько актуализированы эти смыслы в стихотворении Ахматовой? Мы берёмся утверждать, что именно из их материала выстраивается внутренний сюжет текста, как и один из микросюжетов цикла в целом. Так, Царское Село предстаёт в тексте некрополем русской поэзии и культуры, к чему подключается мифопоэтический мотив нисхождения поэта в царство мёртвых, хотя царством мёртвых у Ахматовой мыслится современный ей отрезок культуры.

Возвращаясь к заявленной теме, сделаем принципиальный вывод. Лицейский, отроческий облик Пушкина в поэтической Пушкинииане Анны Ахматовой имеет знаковую природу. Пушкин дорог ей не как «памятник», тем более поверженный (см. 2-е стихотворение цикла: «а там мой мраморный двойник, поверженный под старым клёном»), и даже не как Поэт, а в статусе пред-поэта, ищущего Слово, мучимого даром Слова, на пути к Слову. Поэтому именно «отрок», а не «поверженный мрамор» становится для Ахматовой *genius loci* Царского Села.



## ЛИТЕРАТУРА

1. Жолковский А.К. Биография, структура, цитация: ещё несколько пушкинских подтекстов // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. – М.: Наследие, 1992.
2. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: ЛГУ, 1986.
- Пушкинский час. Русские поэты – Пушкину / Составители: Н. Е. Тропкина, К. И. Шарафадина. Автор комментариев К. И. Шарафадина. – Омск: Омское книжное изд-во, 1998. – 288. с.
4. Фрезер Джеймс Джордж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. - 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. – М.: Русский язык, 1994. Т. 1.

**THE NEO-MYTHOLOGEME BY PUSHKIN'S "TSAR'S COUNTRY BOY":  
FROM VYAZEMSKY TO AKHMATOVA**

**K.I. SHARAFADINA**

**St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions**

The article deals with the main sign complexes of the Lyceum-Tsarskoye Selo poetry by Pushkin: "Lyceum Gardens", the portrait of a lyceum student, and the "boy" nomination. The author establishes its precedent text – a poem by P. A. Vyazemsky "Poetic team brave leader and giant!". Akhmatova's characteristic "swarthy boy" is interpreted in the ritual context of initiation as genetic. The author comes to a conclusion about the creation by the efforts of the poets of different generations of the neo-mythologeme "Tsarskoye Selo Pushkin", endowed with diverse semantics: from the biographical to the culturological.

Key words: Poetic Pushkiniana, P. Viazemsky, A. Akhmatova, neomythologeme, "Tsar's country boy", initiation